

УДК 82-145
ББК 83.3 (2)

Т.А. Дьяченко

**ТЕМА ВОСТОКА
В ПОЭЗИИ
ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА
(НА ПРИМЕРЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ
«В МАГИЧЕСКОМ САДУ»)**

Рассматриваются ориентальные образы и мотивы в произведении «В магическом саду». Большое внимание уделяется мотиву сада в поэтических традициях различных культур: античной, ренессансной, восточной (мусульманской), а также стилю поэзии на лексическом уровне и на уровне образов. Особенно отмечается использование символов суфийской поэзии в стихотворении В.Я. Брюсова.

Ключевые слова: *восточная поэзия, образ, суфизм, соловей, роза, сад, ориентальный мотив, суфийская поэзия.*

DOI 10.23683/1995-0640-2018-4-188-194

Татьяна Анатольевна Дьяченко – преподаватель иностранных языков кафедры общегуманитарных дисциплин Астраханской государственной консерватории; аспирант кафедры литературы Астраханского государственного университета
Тел.: +7-927-557-99-17, +7-917-081-58-50
E-mail: dyachenko_tatiana@mail.ru

© Дьяченко Т.А., 2018.

Валерий Яковлевич Брюсов уже на раннем этапе творчества (с 1895 г.) обращается к теме Востока, что проявляется, прежде всего, в использовании ориентальных образов как средства эстетизации жизни, однако восточная символика подается без детализации элементов, этнографической и национальной самобытности.

Ориентализм поэзии Брюсова представлен в общем потоке экзотики дальних стран: Индия, Персия, Ява, Восточная Полинезия, Перу [Мирза-Авакян, 1978, с. 159], в отличие от многих своих современников, в частности К.М. Фофанова, в произведениях которого («Из цветника роз Саади», «Соловей» и т.д.) ярко выражен акцент на Восток мусульманский. Например, в стихотворении «Еще гарем не спал» он описывает идиллию исламского сераля, воспроизводя орнаментальный стиль восточного поэтического искусства: *«Еще огни лампад таинственно мерцали / Сквозь голубой туман / Курильниц золотых, и брызги вод спадали / На мрамор звучащих ванн».*

Одним из первых произведений В.Я. Брюсова, в котором отчетливо звучат мотивы поэзии Востока, является «В магическом саду» (1895 г.):

К скамье у мраморной цистерны
Я направлял свой шаг неверный,
Но не дошел, но изнемог
И вдалеке упал на мох.

Там у бассейна в перебранке
Стояли стройные гречанки,
Я к ним зывал; мой стон
для них
Был слишком чужд и слишком тих.

Вот боль затихла в свежей ране...
 Но целый ад пылал в гортани!
 Святыней для меня тогда
 Была б студеная вода!

Я встать пытался, но напрасно.
 Стонал, – все было безучастно...
 И мне пригрезилось в бреде,
 Что я в магическом саду.

Цветут каштаны, манят розы,
 Порхают светлые стрекозы,
 Над яркой роскошью куртин
 Бесстрастно дышит бальзамин.

И, все ж, нигде воды ни капли!
 Фонтаны смолкли и иссякли,
 И, русла обнажив свои,
 Пленяют камнями ручьи.

Я, мучим жаждой беспощадной,
 К ручьям, ключам бросаюсь жадно,
 Хватаю камни, изнемог –
 И вновь упал на мягкий мох.

Что мне до всех великолепий!
 Волшебный сад – жесточе степи!
 Воды! воды! – и тщетный стон
 Холодным эхо повторен.

Мотив сада широко распространен: христианская мифология говорит о райском саде Эдема, где начинается история человечества; в Античности возникает любовная аллегория Запада, связанная с садом Афродиты и Эроса, перешедшим в византийский роман и ставшим источником вдохновения поэтов [Сазонова, 2012, с. 69], в том числе младосимволистов (у Брюсова в «Гимне Афродите»: *«Твой луч, как меч, взнесенный надо мной, / Вновь льет в мой сад слепительность и зной, / Что зелень светлым Аквилоном взвита, / Что даль в цветах и песни реют в них, – / Прими мой стих, / Ты, Афродита!»*); литература эпохи Возрождения трактует образ сада как символ радости бытия. Подобное встречаем в итальянской ренессансной поэзии, в частности в сонете Франческо Петрарки, где лирический герой, переживая смерть возлюбленной, говорит о более невозможном жизненном удовольствии, метафорой которого становится сад:

...né d'aspettato ben fresche novelle
 né dir d'amore in stili alti et ornati
 né tra chiare fontane et verdi prati
 dolce cantare honeste donne et belle;
 né altro sarà mai ch'al cor m'aggiunga...

(Отрывок из сонета СССХII, «На смерть мадонны Лауры»)

...Ни гости с вестью про чужие страны,
 Ни рифм любовных сладкая краса,
 Ни милых жен поющих голоса
 Во мгле садов, где шепчутся фонтаны,
 Ничто не тронет сердца моего...

(Перевод Вяч. Иванова)

...Ни ожидание небывалых вестей,
 Ни любовные речи стиля возвышенного и нарядного,
 Ни лучезарные фонтаны и зеленые сады,
 Среди которых пение благочестивых и прекрасных жен;
 Ничто иное никогда не станет тем, что в сердце мое войдет...

(Подстрочный перевод с итальянского мой. – Т.Д.)

Таким образом, сад – поэтический топос в европейских литературах, комплекс, заключающий в себе дохристианскую (языческую) и христианскую общеевропейскую культурную традицию. Однако брюсовский сад берет свое начало с Востока.

Магический (волшебный) сад является одним из центральных образов персидской суфийской поэзии, символизирующих, помимо места уединения влюбленных, с одной стороны – рай, с другой – мир как упорядоченное бытие:

В сад я в горести вышел и утру не рад,
 Розе пел соловей на таинственный лад:
 «Покажись из бутона, возрадуйся утру,
 Сколько чудных цветов подарил этот сад!»

(Рубай Омара Хайяма)

Был в саду я, любимая, жаль, что тебя там не встретил,
 Шел к тебе я, какая печаль, что тебя там не встретил,
 Сколько писаных было красавиц в том райском саду,
 Жаль, в такую забрался я даль, а тебя там не встретил.

(Персидская народная поэзия)

Волшебный сад (сад истины) – важный образ для эзотерического течения мусульманской философии. В Коране рай описан в виде четырех садов: души, сердца, духа и сущности, и в каждом из них находятся три вещи: фонтан (символ восприятия частного, форм, идей; источник просветления), вода (символ света, знания, озаренного откровением) и плоды (финик (им питалась Дева Мария, породившая дух [Бахтияр Лале, 2007, с. 29]), гранат – символ божественного единства) [Раскина, 2013, с. 20].

С позиций суфизма возможна интерпретация сюжета произведения Брюсова. Магический сад (мир) визуально великолепен, по-восточному разноцветен и роскошен (подобному восприятию способствуют ордологические образы, ставшие маркерами ориенталистики, цветущих каштанов, манящих роз, ярких куртин), однако в действительности предстает жестокой степью («Что мне до всех великолепей! / Волшебный сад – жесточе степи!»), в которой лирический герой (странник-суфий, ищущий

истину) претерпевает муки жажды (взыскивает правду). Попытки ее утоления тщетны: фонтаны – источники просветления, «*смокли и иссякли, / И, русла обнажив свои, / Пленяют камнями ручьи*». Парадоксальное решение темы (пышный пейзаж изображаемого художественного пространства невозможно представить без воды) также указывает на прочтение образа магического сада сквозь призму суфийского мистицизма.

Брюсов выбрал в качестве эпиграфа четверостишие из стихотворения Ф.И. Тютчева «Пошли, Господь, свою отраду...»:

Пошли, Господь, свою отраду
Тому, кто в летний жар и зной
Как бедный нищий мимо саду
Бредет по жесткой мостовой.

Интертекстуальные связи между двумя поэтическими текстами безусловны, на них указывает сам автор. Разница заключается в том, что герой Ф.И. Тютчева наблюдает со стороны за нищим странником, а в брюсовском стихотворении оба субъекта (лирический герой и странник) слиты в едином образе лирического «я» (таблица):

Интертекстуальная связь текстов В.Я.Брюсова и Ф.И.Тютчева

В.Я Брюсов	Ф.И. Тютчев
Цветут каштаны, манят розы, Порхают светлые стрекозы, Над яркой роскошью куртин Бесстрастно дышит бальзамин.	Кто смотрит вскользь через ограду На тень деревьев, злак долин, На недоступную прохладу Роскошных, светлых луговин.
Изображение роскошного пейзажа, пребывание в котором недоступно лирическому герою – нищему страннику, имеет символическое значение, актуализирует мотивы скитальчества, одиночества, изгнанничества.	
И, все ж, нигде воды ни капли! Фонтаны смокли и иссякли <...>	<...> И пыль росистая фонтана Главы его не осенит.
Мотив жажды выступает движущей силой сюжета.	
Что мне до всех великолепий! Волшебный сад – жесточе степи! <...>	<...> Как бедный нищий мимо саду Бредет по знойной мостовой.
Сад как метафора роскошной жизни является антитезой раскаленной степи и знойной мостовой – символов нищеты, жажды, возведенной в абсолют.	

Помимо перечисленных суфийских символов, в произведении «В магическом саду» в ряд ориентальных помещен образ розы («*Цветут каштаны, манят розы...*»).

Общеизвестно значение Розы для поэтического искусства Персии и культуры в целом. Являясь символом бессмертной красоты, роза становится устойчивым сравнением: ей уподобляется очарование возлюбленной лирического героя:

لگن مر خزار ته زات يک يهقه ورسد ابد
 لگن ماد و ي م ماج مدم تسد زا
 لجا داب زا دوشد مگاد مک ش پين از
 لگن هار پيد وچ و ترمع ن هار پيد
 (Рубай Омара Хайяма)

Ты жив, здоров, беспечен, пей пока
 С красавицей, как роза цветника,
 Покамест не сорвет дыханье смерти
 Твой краткий век подобьем лепестка.
 (Перевод В.Державина)

С красавицей, которая свежее розы,
 Не пропусти момент пить вино,
 До той поры, пока ветер смерти не унесет
 Рубашку твоей жизни как розовые лепестки.
 (Подстрочный перевод с фарси мой. – Т.Д.)

Брюсовский сад, вне сомнения, не мог обойтись без этого неотъемлемого образа «сада истины».

Особого внимания заслуживает форма произведения «В магическом саду». Оно написано катренами, строки в которых зарифмованы по схеме ААbb, что является более простой разновидностью такого рода строф (состоит из двух двустихий, объединённых общей темой). Подобный тип рифмы особенно распространён в восточной поэзии, присущ стихотворной форме месневи, где рифмуются каждые две строки. В качестве примера приведем отрывок из суфийской поэмы «Китаб алмасневи» («Книга парнорифмующихся строк»), написанной Джалаладдином Руми:

دنكى م تياكشدن وچ ي ذنيا و نشد
 دنكى م تياكدا اهيبادج زا

دناهدير ييد ارم اتن اتسيند زك
 دناهديلان ز و درم مريفند رد
 («Маснави», книга I, «Песня флейты»)

Послушай, как ней этот горько поет,
 Рассказ о разлуке своей он ведет.

«С тех пор как мой стебель с землей разлучили,
 Стенания дев и мужей в него заключили...»
 (Подстрочный перевод с фарси мой. – Т.Д.)

Прислушайся к голосу флейты – о чем она, плача, скорбит.
 О горестях вечной разлуки, о горечи прошлых обид:

«Когда с камышового поля был срезан мой ствол пастухом,
 Все стоны и слезы влюбленных слились и откликнулись в нем...»
 (Перевод В. Державина)

«В магическом саду» В.Я. Брюсова не только по содержанию, но и по стихотворной форме сближается с ориентальной поэтикой, обнаруживая при этом интертекстуальные связи с произведениями русских классиков, в частности Ф.И. Тютчева («Пошли, Господь, свою отраду»). Философское прочтение центрального образа волшебного сада (сада истины), а также образов фонтана (источник просветления) и воды (символ знания) позволяет говорить о суфийском подтексте в произведении. Символ вечной красоты – роза, образ которой также помещен Брюсовым в пространство художественного мира, роднит его работу с образцами поэтического искусства Востока.

Литература

Бахтияр Лале. Суфий. Образы мистического поиска. М.: Эннеагон Пресс, 2007. 120 с.

Любовный напиток. Лучшая персидская лирика. М.: Эксмо, 2015. 480 с.

Мирза-Авакян М. Восток в творчестве В.Я. Брюсова // Историко-филологический журн. Ереван, 1978. № 2. С.159 – 174.

Омар Хайям. Рубаи. Газели. М.: Эксмо, 2012. 544 с.

Песни Ширази. Персидская народная поэзия в переводах А. Ревича [Электронный ресурс]. М., 1987. URL: <http://lib.ru/POEEAST/PERS/shiraz.txt> (дата обращения 12.12.2017).

Раскина Е. Художественный мир персидской миниатюры в поэтическом творчестве Н. С. Гумилёва // Суфий. 2013, № 16, М.: Весна-лето, 2013. С.18 – 28.

Сазонова Л.И. Память культуры. Наследие Средневековья и барокко в русской литературе Нового времени / Учреждение Рос. акад. наук. Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького РАН. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. 894 с.

Смирнов А.В. Великий шейх суфизма (опыт парадигмального анализа философии Ибн Араби). М.: Наука, 1993. 327 с.

Смирнов А.В. Логика смысла. Теория и ее приложение к анализу классической арабской философии и культуры. М.: Языки славянской культуры, 2001. 504 с.

Формы восточной поэзии. [Электронный ресурс] URL: http://culture-into-life.ru/stihotvornye_formy_vostochnoj_poezii/ (дата обращения 12.12.2017).

References

Lale Bakhtiyar. *Sufiy. Obrazy misticheskogo poiska*, Moscow, Enneagon Press, 2007, 120 p. (In Russian).

Lyubovnyy napitok. Luchshaya persidskaya lirika, Moscow, Eksmo, 2015, 480 p. (In Russian).

Mirza-Avakyan M. *Vostok v tvorchestve V.Ya. Bryusova*, Istoriko-filologicheskiy zhurnal. Yerevan, 1978, no. 2, pp. 159-174. (In Russian).

Omar Khayyam. *Rubai. Gazeli*. M.: Eksmo, 2012, 544.

Pesni Shiraza. Persidskaya narodnaya poeziya v perevodakh A. Revicha, Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1987. Available at: <http://lib.ru/POEEAST/PERS/shiraz.txt> (accessed 12.12.2017). (In Russian).

Raskina Ye. *Khudozhestvennyy mir persidskoy miniatyury v poehticheskom tvorchestve N. S. Gumilyova*, *Sufiy*. 2013, № 16, Moscow, Vesna-let, 2013, 18-28. (In Russian).

Sazonova L.I. *Pamyat' kul'tury. Naslediye Srednevekov'ya i barokko v russkoy literature Novogo vremeni*, Uchrezhdeniye Ros. akad. nauk. In-t mirovoy literatury im. A.M. Gor'kogo RAN, Moscow, Rukopisnyye pamyatniki Drevney Rusi, 2012, 894 p. (In Russian).

Smirnov A.V. *Velikiy Sheikh Sufizma. Opyt paradigmal'nogo analiza filosofii Ibn Arabi*, Moscow, 1993, 327 p. (In Russian).

Smirnov A.V. *Logika smysla: teoriya i yeyo prilozheniye k analizu klassicheskoy arabskoy filosofii i kul'tury*, Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2001, 504 p. (In Russian).

Formy vostochnoy poezii, Available at: http://culture-into-life.ru/stihotvornye_formy_vostochnoj_poezii/ (accessed 12.12.2017). (In Russian).

Tatyana A. Dyachenko (Astrakhan, Russian Federation)

Orient Theme in the Poetry by Valery Bryusov (on the Example of the Literary Work «In the Magic Garden»)

This paper is devoted to the images of the Orient poetry in the work by Valery Bryusov. The article describes the oriental images and motives in the literary work «In the Magic Garden». Much attention is given to the motive of «the garden» in the poetic traditions of various cultures (Ancient culture, Renaissance culture and especially Oriental muslim culture) and also to the poetry style at the linguistic level and the level of image. It is specially noted the use of the symbols of the sufi poetry in the literary work by Valery Bryusov.

Key words: *oriental poetry, image, sufism, nightingale, rose, garden, oriental motive, sufi poetry.*

Tatyana A. Dyachenko – lecturer in foreign languages, Astrakhan State Conservatory, Department of Humanitarian disciplines; post-graduate student, Astrakhan State University, Department of Literature. Phone: +7-927-557-99-17, +7-917-081-58-50; e-mail: dyachenko_tatiana@mail.ru